

* * *

Не плачь, муэдзин. Не проси на рассвете
у солнца тепла и у ветра тревоги
о чахлых деревьях, что, сбившись с дороги,
свернули в пустыню, где утренний ветер
песок, как свое непосильное бремя,
роняет на кроны деревьев постепенно.
Как будто в песочных часах у Вселенной
кончается время...

* * *

Я знаю, сны твои теперь
пугливы стали.
Как только хлопнет где-то дверь,
лишь скрипнут ставни

едва сквозняк в окно влетит
с попутным ветром,
они бегут за золотым
слепящим светом,

в котором мы с тобой вдвоем,
сплетая руки,
идем. Как будто мы давно
нашли друг друга.

* * *

В этом доме так много часов, но они бегут.
Не успеешь опомниться – лишнего часа нет.
И встречая ночь, в этом доме включают свет.
Прогоняя сон, на гитаре бренчат, поют...

Залетает сквозняк в этот дом, распахнув окно.
И сдувает старательно пыль и с холстов, и с книг.
И качает он паутины и спящих в них
насекомых. Тени срывает со всех икон.

И тогда все часы в этом доме сбавляют шаг.
А потом все часы постепенно сбавляют тон.
Наступает утро. Рассвет заплывает в дом.
И опять все часы в этом доме спешат, спешат...

* * *

Трава еще немного подросла.
Уже немного подросли деревья.
А домик стал совсем уж старым, древним
и оказался на краю села.

И оказалось, странные дела,
живут другие люди там, чужие.
Живут как будто там всегда и жили,
как будто я там вовсе не жила.

И видят из окна вишневый сад,
шиповник, хризантемы, куст сирени...
А на столе вишневое варенье.
А на гвозде мои ключи висят.